

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 (44) Том . 2020

Историко-географический экскурс смены этносов Северо-восточного Прибайкалья за историческое время

Вампилова Людмила Борисовна

*Доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Нанзатов Баир Зориктоевич

*Старший научный сотрудник, Сибирское отделение Российской академии Наук
Российская Федерация, Республика Бурятия, Улан-Уде*

Аннотация

Впервые рассматривается этнографическая история Северо-Восточного Прибайкалья, что представляет интерес для проведения ретроспективного анализа культурного наследия в природопользовании и общественной жизни. Основанием для подготовки статьи послужили материалы историко-географической периодизации освоения ландшафтов Баргузинской котловины как части Северо-Восточного Прибайкалья, согласно которой выделены пять эпох: древнейшая (от мезолита по железный век), средневековье, имперская, советская и постсоветская. Методика создания периодизации построена с использованием событийного подхода: время освоения делится на хроносрезы, в каждом из которых проанализированы сведения по взаимосвязям в триединстве «ландшафт — этнос — природопользование». Цель статьи — показать сложность и противоречивость этнографической истории Баргузинской котловины, используя историко-географические методы и подходы. На ранних стадиях освоения были известны лишь племенные особенности жителей, населяющих Баргузинскую котловину. Историко-географическое исследование Баргузинской котловины как полигона изучения, позволило выделить в истории этнического освоения шесть смен этносов: курыканского, баргутского, эвенкийского, бурятского, еврейского и русского. В зависимости от смены этносов структура природопользования

претерпела изменения от орошаемого земледелия и скотоводства баргутов в степных и лесостепных ландшафтах, промыслового коренного эвенкийского населения в таёжных, кочевого скотоводства бурятского до пашенного земледелия русского населения. Дана характеристика временных срезов и показана связь процесса освоения с преобладающим этносом. Материальные следы пребывания того или иного этноса в котловине указывают, какие типы ландшафтов использовались для различных видов традиционного исторического природопользования, а также приведены топонимические свидетельства, подтверждающие места проживания конкретного этноса в котловине. Поэтапная история смены этносов позволяет судить о возрастающей роли типов природопользования и изменении нагрузки на ландшафт ближе к современности.

Ключевые слова: этническая история, вмещающий ландшафт, этническое природопользование, Баргуджин-токум, Баргузин, историко-географическая периодизация, событийный подход

Дата публикации: 18.05.2021

Ссылка для цитирования:

Вампилова Л. Б. , Нанзатов Б. З. Историко-географический экскурс смены этносов Северо-восточного Прибайкалья за историческое время // Псковский регионологический журнал – 2020. – Выпуск 4 (44) С. 68-82 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310012373-3-1> (дата обращения: 13.05.2024). DOI: 10.37490/S221979310012373-3

¹ **Введение.** Пространственно-временной подход к истории формирования этносов в пределах локального региона доказывает значение ретроспективного метода для указанных изысканий. На первых этапах проведения исследования и установления событийных процессов доэтнической эпохи (хронопласта) осуществлен анализ результатов работ целой плеяды археологов и этнографов. Для средневековой этнической истории региона особую важность приобретают историко-географические сценарии, связанные с миграцией населения с юга на север. Процесс формирования этнической картины средневековья отличается многослойностью напластования сюжетов, о чём свидетельствуют данные монгольских летописей.

² **Цель исследования** — междисциплинарный (ретроспективный историко-географический) анализ процесса формирования этносов Баргузинской котловины.

³ **Исходные предпосылки. История освоения ландшафтов котловины в древнейшую эпоху.** История освоения Баргузинской котловины начинается в палеолите, но только с мезолита присутствие людей было постоянным. Мезолитические находки представлены единичными памятниками: Лысая Гора и Пристань. В культурном слое представлены предметы: нуклеусы, ножевидные пластины, отщепы и обломки костей животных. Культурно-хронологическое

определение комплексов этих объектов нуждается в дополнительных исследованиях [17].

4 Неолит Баргузинской котловины представлен значительным количеством объектов археологического наследия, в отличие от предшествующих эпох, с довольно высоким коэффициентом плотности. Общее количество могил не велико (около 70), что связано, по утверждению Е. А. Хамзиной [39], с откочёвкой небольших групп от основного массива этноса.

5 Ранняя бронза представлена могильником Онкули, расположенным на высокой террасе левого берега р. Баргузин, подверженной ветровой эрозии. Памятник поздней бронзы плиточный могильник Шулуун-Шэнэгальжин. Оба могильника появляются в первых веках до н. э., когда хуннские племена осваивают Западное Забайкалье [39]. Последний может быть отнесён к позднему «ацайскому» этапу исторического развития населения культуры плиточных могил (VIII–VI вв. до н. э.).

6 Вследствие аридизации климата, начавшейся в конце III тыс. до н. э. и продолжавшейся до середины II тыс. до н. э., в хозяйственных занятиях населения Центральной Азии стало преобладать скотоводство. Примерно в XV–XIV вв. до н. э. происходит повышение влажности климата, что отразилось на росте продуктивности пастбищ, создавало благоприятные условия для земледелия и вызвало предположительно рост численности населения (демографический взрыв). В конце II тыс. до н. э., по причине очередной фазы аридизации климата началась крупномасштабная миграция носителей обеих степных культур в поисках более благоприятных местообитаний.

7 Эпоха железа — третья из технологических макроэпох в истории человечества. Первая стадия эпохи железа датируется в пределах рубежа II–I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. (с хронологическими вариациями для разных регионов). Данный период формирования исторических ландшафтов был связан с культурой хунну — центрально-азиатскими племенами, которые привели к подъёму «кочевой цивилизации» на востоке «великого пояса степей» Евразии в последние века до н. э.

8 Период раннесредневекового освоения ландшафтов Баргузинской котловины охватывает время от VI по XIV вв. и связан с заселением территории первоначально представителями курумчинской культуры (курукан и ранних баргутов, основу которых составляли тюрко-монгольские племена), а впоследствии баргутскими племенами. Характеристика этого этапа дана на основании сведений путешественников: Рашид-ад-Дина [32], И. Г. Георги [13], И. А. Лопатина [22]; К. Риттера [34], С. Ремезова [33]; результатов исследования этнографов: (Асеева [1]; Свинина, Зайцева [37]; Мелиоранского [23]; Талько-Грынцевича [38]; Бертагаева [5; 6]; Цыдендамбаева [42]; Цыбикдоржиева [41]; Нимаева [27], а также представителей различных наук: Л. Б. Вампиловой [8–10], Доржи Банзарова [3], Б. З. Нанзатова [24–26], А. П. Окладникова [28; 29], Г. Н. Румянцева [35; 36], П. П. Хороших [40], Е. А. Хамзиной [39] и др.

9 **Результаты исследования. История освоения ландшафтов котловины в раннем Средневековье.** В начале средневековья Баргузинская котловина была

частью Байкальского субрегиона, ограниченного на западе притоками Ангары, а на востоке дельтой Селенги и долиной реки Баргузин. Главенствующим населением Баргузинской котловины в указанное время были представители курумчинской культуры, о чём свидетельствует археологический материал: разнообразие инвентаря свидетельствует о разных культурных традициях, имевших проявление и в природопользовании.

¹⁰ Принадлежность курыкан к тому или иному языковому кругу неоднократно пытались определять путём поиска этимологии их этнонима. Б. Э. Петри называл носителей курумчинской культуры «культурой курумчинских кузнецов» [31]. А. П. Окладников предложил отождествлять их с курыканами / гулиганами тюркских и китайских памятников [28, с. 294–325]. Б. З. Нанзатов опирается на представленное в Древнетюркском словаре слово «*qurıqan ~ qoŋıyan*», полностью совпадающее с этнонимом «курыкан», или «*qurıqan*» [16, с. 468], что переводится как «стан, военный лагерь» и, к тому же, имеет параллели в старописьменном монгольском языке со словом «*xoŋıya(n) ~ xoŋuɣa(n)*» [16, с. 458, 468].

¹¹ Скорее всего, слово «курыкан» представляет не этноним, а имя нарицательное, относящееся к региону вместе с населяющей его территориальной общностью, по крайней мере, на ранних этапах. Так, нами предполагается, что термин «уч-курыкан» означает «три военных лагеря», что относится к кочевым империям Центральной Азии, а точнее, к I Тюркскому каганату. И это соответствует периоду возникновения в Прибайкалье курумчинской культуры. В работе Н. Я. Бичурина [7, с. 301] упоминается о том, что тюрки поддерживали племена, которые имели влияние на лесных обитателей. Также известно, что «курыканы осуществляли поборы с таёжного населения Байкальской Сибири и частью своей добычи делились с орхонскими каганами» [14, с. 146]. Для ведения торговли мехами с оседлыми соседями в таёжной зоне Западного Прибайкалья, а точнее, в верховьях Ангары и Лены, тюрки организовали своеобразный военный дистрикт, который изначально состоял из трёх гарнизонов. В зону влияния этих гарнизонов входили Приангарье, Приольхонье, а также территории к востоку от Байкала (низовья реки Селенги и долина Баргузина). Эти гарнизоны решали задачу обеспечения пушниной ханского двора в целях развития внешней торговли. Для этого они должны были поставить в зависимое положение местные племена, каковыми могли быть тунгусы.

¹² Так, на исторической арене в VI–VIII вв. обозначился социальный организм, который имел этнические черты, называемый соседями «курыкан» или «уч-курыкан», что исходило из устоявшегося термина, обозначавшего население Западного Прибайкалья. В последующем название «курыкан» потеряло своё значение в данном регионе, и на историческую арену вышли племена, ранее входившие в курыканскую общность в различных ипостасях.

¹³ Но нужно отметить, что этноним «курыкан» окончательно не исчез. Рашид-ад-дин упоминает народ «куркан» [32, с. 125], а также бурятских «хурхад» и даурских «куркан», которые, вероятно, являются наследием древнего этнонима. Также возможно, что к курыканам имеют отношение куркагиры междуречья

средней Ангары и Подкаменной Тунгуски, где суффикс «-гир» [11, с. 580, 751] означает принадлежность к роду.

¹⁴ Что касается непосредственно Баргузинской долины, то она в тот период являлась северо-восточным форпостом области Уч-Курыкан, и соответственно её население в этот период составляли как пришлые скотоводы и земледельцы, оставившие многочисленные следы оросительных систем, так и коренное население, в тот период на этой территории представленное тунгусами. На территории Баргузинской котловины археологами были исследованы поселения, могильники и поминальники курумчинского времени, находящиеся вблизи Баянгола, Бодона, Телятниково и Баргузина [14; 38]. Наличие оросительных систем в долине Баргузина, а также находки согдийской фактории на территории г. Баргузин позволяют утверждать, что совместно с тюрко-монгольским населением в освоении долины участвовали и средневековые согдийцы.

¹⁵ В курумчинской культуре с X–XI вв. отмечаются перемены, которые ряд исследователей склонны связывать с внедрением новой раннемонгольской культуры [1; 36], а Б. Б. Дашибалов считает их поздними этапами курумчинской культуры [14]. Этот период продолжается до XIV в. и характеризуется культурным комплексом, в котором главным маркирующим звеном являлись монголоязычные племена. Новый Баруджин-токумский этап истории региона характеризуется сменой доминантного этнонима курыкан на баргу(джин). Примерно с XI в. территория Уч-Курыкан постепенно меняет своё наименование на Центральноазиатской карте на Баргуджин-токум. К предчингинговскому периоду топоним уже закрепился за этой областью. Вопрос об этнотопониме Баргуджин-токум рассматривается Т. А. Бертагаевым [5, с. 174]. Так, слово «*токум*» или «*тукум*» в современных монгольских говорах звучит *təxum*. Западные буряты слово *təxum* используют для обозначения «родины замужней женщины», а точнее, «местности, где она родилась». Баргуджин-токум этимологически можно расшифровать «родной баргуджин» или «родственный баргуджин». Если исходить из тюркского значения *barγuĭ* — «завоеватель», то термин *barγuĭjin toqum* можно перевести как «землю завоевателей».

¹⁶ Согласно легендам, из Баргуджин-токум происходит дочь Баргудай-мэргэна¹, в лице которого персонифицирована древняя этническая общность, известная как племя *баргу*. При этом, имя его дочери Баргуджин-гоа является персонификацией брачных связей с племенем баргутов и, по сути, *баргуджин-гоа* обозначает всех женщин-баргуток, которые вступали в брак с предками Чингисхана.

¹⁷ Кроме того, возможный период брачных контактов с предками монголов эпохи Эргунэ-кун указывает на близость областей Баргуджин-токум и Эргунэ-кун. Если исходить из версии, что Эргунэ-кун находился в бассейне Аргуни, то Баргуджин-токум вполне мог быть расположен в контактной зоне Прибайкалья (рис.). При этом гидроним *Баргузин* является фонетическим вариантом *баргуджин*, и переводится или как *завоеватель*, или как *баргутка*, являясь поздним образованием по отношению к этнониму *баргу*.

Рис. Баргуджин-токум в контактной зоне Прибайкалья

¹⁹ Баргузинская долина в период XV–XVI вв. всё ещё оставалась в непосредственной связи с Прибайкальем. Однако процессы в Центральной Азии, приведшие к поражению монголов и вхождению их в маньчжурскую империю Цинь, больше повлияли на этнические процессы в этом регионе. По летописным бурятским хроникам, по Баргузину раньше жили некие аба-хорчиды или баргу, которые занимались земледелием, но ушли отсюда вглубь Монголии, т. к. умели гадать и предначертали приход большой беды. Скорее всего, в действительности, население Баргузинской долины покинуло эту территорию ввиду каких-то событий, либо природного плана (засуха, крупное землетрясение), либо в связи с военными событиями [10].

²⁰ Многие исследователи упоминают о стране «Баргуджин-Тукум» и о баргутах, жителях этой страны. Слово «баргут» (баырку — в тюркских надписях, байегу — в китайских летописях) произошло от бурятского слова «барга», что означает глушь, глухомань, окраина. Баргут, баргутжин, баргажан, баргузин, т. е. баргузинцы — «жители окраины», «лесные народы» [36]. Страна Баргуджин-Тукум включала в себя современную Баргузинскую котловину и была заселена баргутскими племенами [3; 28; 29; 32; 36]. Первые сведения о пребывании баргутов в Баргузинской котловине принадлежат горному инженеру И. А. Лопатину [22], который в 1861 г. по заданию Сибирского отдела Географического общества, занимающегося составлением геологической карты Витимского плоскогорья, прошёл всю долину р. Баргузин. Доржи Банзаров [3] пишет, что в Баргузинской котловине жили баргуты, отсюда и название реки Баргузин. Из средневековых письменных источников известно, что в Баргузинской котловине в XI–XII вв. жили баргуты, которые славились производством кузнечных изделий, занимались хлебопашеством и скотоводством [12].

21 На картосхеме «Ядра освоения Баргузинской котловины» [8] показаны памятники баргутского этапа освоения: в местности Подгорного шлейфа Баргузинского хребта сохранились остатки плотины и пещера по р. Банной (окрестности п. Баргузин), Дьяконские бугры — древнее поселение возле с. Курумкан, могильник у с. Ярикта. В Межкуйтунной террасовой местности найдены могильные курганы в урочище Бугочань и возле оз. Хасхал; в Инско-Баргузинской террасовой местности — Телятниковский и Баянгольский могильники [39], в которых обнаружены колоды и гробы из лиственницы и орудия труда земледельцев. По палеогеографическим данным местность, в которой находятся могильники, в прошлом была лесной (в настоящее время здесь степь). Учитывая это, можно предположить, что в VII–VIII вв. баргутские племена заселяли лесные террасовые урочища в Долинном ландшафте, превращая их в пастбища и пашни, т. к. степные геокомплексы уже были освоены.

22 По сведениям П. П. Хороших [40], в двух километрах от Алгинского озера, на гранитной скале находится глубокая ниша с названием «кладовая» — в ней находили железные изделия, наконечники стрел, сошники, приписываемые древним баргутам. Находки сошников указывают на занятия населения земледелием. Такие же кладовые есть в окрестностях сел Бодон, Суво. Баргутские пещеры обнаружены в урочище Кролиха и в районе с. Читкан — «Читканская горница». И. Г. Георги [12] также упоминает о следах пашен и огородов в долине Баргузина. К. Риттер отмечает следы древнего орошаемого земледелия, приписываемые баргутам, в левобережье р. Ины, между реками Читканом и Кулутаем, возле р. Уро, в районе с. Бодон (Инско-Баргузинской террасовой местности) и по рекам Гарге и Аргаде (местностях Степного и Лесостепного Куйтунов): «... множество борозд и гряд; старых пашен, пересечённых широкими канавами» [34, с. 71–73]. Многочисленные находки свидетельствуют о развитии в котловине в прошлом пашенного орошаемого земледелия [36]. Археологами были обнаружены такие злаки, как ячмень, пшеница, просо, что доказывает наличие в прошлом развитого земледелия [28].

23 П. П. Хороших [40] замечает, что баргутские жилища были расположены на низких местах, а пашни на высоких, речь идёт о пашнях на куйтунах и селениях на речных террасах. Во время полевых исследований 1978–1980 гг. при аэровизуальных наблюдениях в районе сёл Курумкан, Ягдаг, Алла и Улюнхан, в местности Подгорного шлейфа Баргузинского хребта, в устье рек Гарги и Аргады в местностях Степного и Лесостепного Куйтунов и в районе сёл Баянгол, Бодон, Уро, Читкан в Инско-Баргузинской террасовой местности нами были обнаружены следы оросительных систем, что подтвердилось во время маршрутных исследований.

24 Разнообразие природных условий котловины способствовало формированию двух культур, отличающихся друг от друга характером антропогенного воздействия на природу. Кочевники-скотоводы, занимающиеся также охотой и рыболовством, осваивали южную часть подгорного шлейфа Икатского и Баргузинского хребтов. Полукочевники-земледельцы, которые кроме орошаемого хлебопашества занимались скотоводством, охотой и рыболовством, располагались в пределах Лесостепного и Степного Куйтунов, а также в Инско-Баргузинской и Межкуйтунной террасовых местностях. В курыканский и ранне-

баргутский период освоения ландшафтные особенности котловины продолжали оказывать дифференцирующее влияние на её хозяйственное освоение. Так, плодородные почвы куйтунов использовались под пашни только по побережьям рек Гарги и Аргады. Другие степные (ковыльно-разнотравно-злаковые) и лесостепные (разреженные разнотравно-злаковые сосняки) урочища Куйтунного ландшафта использовались под пастбища, причём наличие обширных равнинных территорий способствовало разведению больших стад (в летописях Рашид-ад-Дина [32] отмечается, что у баргутов в котловине насчитывалось до 10 тысяч кибиток). Слабонаклонная равнина местности Подгорного шлейфа Икатского хребта и поверхности куйтунов баргуты очищали от леса и превращали в пахотные орошаемые угодья, чему способствовали малые реки — притоки р. Баргузин.

²⁵ Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что баргутские поселения были приурочены к местам, уже освоенным древним населением котловины (согласно местоположению разновременных археологических памятников): п. Баргузин в ландшафте Подгорного шлейфа, с. Аргада в Куйтунном ландшафте и с. Алга, Ина в Долинном ландшафте. Наряду с поселениями древнейшего этапа появляются новые: Курумканское, Аллинское, Улюнханское в ландшафте Подгорного шлейфа; Куллукское в Куйтунном ландшафте; Баянгольское и Телятниковское в Долинном ландшафте. Баргуты селились в лесостепных урочищах средней и нижней частей конусов выноса в ландшафте Подгорного шлейфа, на Лесостепном и Степном Куйтунах, а также на луговых и залесённых речных террасах. Впоследствии на местах вырубок, расположенных в увлажнённых урочищах нижней части Подгорного шлейфа и Долинного ландшафта, произошло восстановление леса. На более сухих куйтунах возобновления лесных комплексов не происходило; здесь сформировались степные фитоценозы. Курыканский период воздействия человека на природу характеризуется началом антропогенного изменения морфологического строения Подгорного шлейфа, Долинного и Куйтунного ландшафтов. Интересны версии, высказываемые представителями разных наук по поводу причин, из-за которых баргуты покинули Баргузинскую котловину. Одна из них сводится к тому, что в XIII в. баргуты и другие племена, населяющие котловину, были завоеваны Чингисханом [2]. Жители отчаянно боролись за свою независимость и уходили вглубь лесов, покидая насиженные прадедовские кочевья. Существует мнение, что баргуты ушли через Икатский хребет на Ципиканские озера. Некоторые племена откочевывали на север, в нынешнюю Якутию. Впоследствии племена перекочевывали во внутреннюю Монголию, где проживают поныне. Известно, что баргуты ушли из котловины до массового проникновения сюда тунгусов [34].

²⁶ Хотя баргу-бурятское население постоянно присутствовало в данном регионе, но в некоторые периоды оно значительно сокращалось. Последним из таких периодов были XVI–XVII вв., когда в регионе на главенствующие позиции вышли тунгусские племена.

²⁷ *История освоения ландшафтов котловины в эпоху позднего Средневековья и в Имперское время.* XVII–XVIII вв. в этнической истории Баргузинской долины стали периодом, когда после ухода баргутов на господствующие позиции в регионе вышли тунгусы. Они начали расселяться с

севера и востока, т. е. с территорий Приленья и Приамурья. Этнический состав баргузинских эвенков в XVII в. был представлен такими родами как баликагир, киндыгир, лимагир, намегир (намясинцы), някугир, почегор и чильчагир. В 1669 г. ясакоплательщиков числилось по родам: лимагиров — 75, баликагиров — 63, киндыгиров — 30, някугиров — 23, чильчагиров — 5 и намясинцев — 4 чел. [44, с. 11].

²⁸ Согласно оценке А. С. Шубина, общая численность тунгусского населения Баргузинской долины составляла примерно 800–1000 чел. При этом Баргузинскую долину покинула часть баргузинских конных тунгусов в XVII в., влившись в состав нерчинских конных тунгусов. В числе последних были баликагиры, намегиры и почегоры [44, с. 11–12]. В середине XVII в. практически полностью покинул Баргузинскую долину род намегир, представителей которого в русских документах упоминают как намясинцев. Согласно преданиям нанайского рода самар, их предки бежали с Байкала, откуда они были согнаны бурятами².

²⁹ Таким образом, в послебаргутский период этническая структура населения Баргузинской долины включала расселившихся на этой территории представителей следующих племён: шамагиры, лимагиры, тепкагиры, чильчагиры, чалкагиры, баликагиры. Также нужно отметить, что названными племенами были ассимилированы в этот период племена якал, асивагат, гальдзогир и цонголир.

³⁰ **Баргузинские буряты.** Начиная с эпохи Баргуджин-токума в долине Баргузина постоянно присутствовали буряты, или же их предки. Но в период XVI–XVII вв. этот регион оставался на периферии этнической территории, которая была освоена бурятами. Этническая территория бурят в этот период испытала уменьшение, часть этноса покинула данные территории в начале XVII в. [35, с. 10]. Однако, часть бурятского населения сумела сохранить свои этнонимы и войти в коалиционные связи с тунгусским населением.

³¹ В конце XVI в. и начале XVII в. в регион с юго-востока вернулись хоринцы. Передовые группы хоринцев даже оказались к западу от Байкала, обосновались в Приольхонье и на острове Ольхон, другая же группа пыталась закрепиться в низовьях Баргузина. Здесь хоринцы столкнулись с сопротивлением тунгусского населения, и в благоприятный момент покинули долины Баргузина и Итанцы, заняв кочевья табангутов в долине реки Уды после ухода последних в Монголию.

³² Г. Н. Румянцев отмечал, что в низовьях Баргузина и по побережью Байкала в XVII в. упоминаются также буряты племени абазай [36, с. 13]. Исходная территория их расселения располагалась в долине р. Мурын, верховьях р. Баянзурхэ (Манзурка) и на о. Ольхон.

³³ Основные массы предков современных баргузинских бурят прибыли в регион исследования в середине XVIII в., хотя их передовые группы отмечались и в XVII столетии. Основу данного населения составили буряты верховьев Лены и её притока Манзурки, которые откочевали подальше от Верхолёнского острога, а также буряты с верховьев рек Куды и Мурина.

В начале XIX в. в Иркутской губернии были образованы степные думы. В Баргузинской долине была образована высшая административная единица (орган самоуправления) для бурятского населения — степная дума, названная Баргузинской в 1824 г. Дума находилась в селении Улюн и первоначально состояла из пяти родов. В 1835 г. в думе было зарегистрировано уже 12 родов [13, с. 238–239]. Судя по всему, дальнейшие реформы проводились с целью объединения малочисленных административных родов с более крупными. В 1872 г. Баргузинская степная дума перешла в подчинение Баргузинского земского суда Баргузинского округа Забайкальской области. В 1897 г. дума охватывала население восьми административных родов: Баяндаевского, Буровского, 1-го и 2-го Хэнгэлдэрских (Чиндылдурских), Шоноева (Чернорутского), Оторчинского (или 2-го Чернорутского), Галзутского и Сборного. В основе административных родов были одноимённые бурятские племена. В Сборный род входили буряты племён хурумши, сэгэнут и эмхэнут [18].

Баргузинские русские. Первое появление русских в регионе было неудачным. В 1646 г., после основания Верхнеангарского острога, отряд в числе 27 человек спустился зимним путём по Байкалу к Баргузину, однако вскоре он был уничтожен в столкновении с людьми тунгусского князя Хортицы-баатура. Этим отрядом руководил тобольский казак Семён Скороход, находившийся на службе в Якутском остроге [44]. В 1648 г. в 43 верстах от устья р. Баргузин боярским сыном Иваном Галкиным был поставлен Баргузинский острог [15, с. 220]. Но в течение полутора веков русские почти не расселялись в долине Баргузина. В 1732–1735 гг. в остроге и прилегающих деревнях насчитывалось 83 двора со 102 жителями. Общее население здесь могло составлять 250–350 чел. [43, с. 31].

И в начале XIX в. русское население Баргузинской котловины оставалось крайне немногочисленным. Добровольные переселенцы сюда не шли из-за отдалённости Баргузина от крупных торговых центров и его ничтожной роли в экономическом развитии Забайкалья вплоть до начала золоторазработок в 60–70-х гг. XIX в. По этой причине большинство русского старожильского населения было сформировано из каторжан [21]. В 1835 г. население Читканской волости составляло всего 2526 жителей. Кроме русских крестьян, здесь проживали также оседлые буряты и тунгусы, расселённые по реке Бодону [43].

М. М. Шмулевич по различным источникам отследил историю возникновения отдельных населённых пунктов региона [43, с. 28]. Так, в числе первых поселенцев в долине Уро значится семья Афанасия Агафонова. В 1809 г. в Агафоновской деревне уже числились 32 души обоего пола, и половина из них являлась прямыми потомками Афанасия. Известен также и Никифор Мисюркеев, основавший деревню Мисюркееву. Известно, что деревня Макарино (Башарово) была основана участниками восстания под руководством Е. Пугачева, которые были сосланы в Сибирь. И сейчас местное население помнит свою причастность к яицким казакам, однако казаками себя уже не считает [4].

Особняком от остальных групп русского населения стоят русские крестьяне Бодонского селения. В ведомостях жители Бодона значились как «подгородные яшашные», русских крестьян в селении не обозначено, отмечены только крещённые буряты и эвенки. Но с 1840 г. практически все жители

поселения были приписаны к русским крестьянам. Все инородцы, появившиеся после 1840 г. в Бодонском селении, записывались как «новокрещённые», а затем как «оседлые инородцы». При этом потомки «подгородных ясашных» стали «русскими крестьянами» [43].

³⁹ Тем не менее, перевод крещённых бурят и эвенков в категорию русских крестьян не были основными факторами роста численности русского населения региона. Рост числа русских происходил преимущественно за счёт мигрантов. Так, были отмечены крупные партии поселенцев-каторжан в 1829 г. (в числе 188 мужчин и 68 женщин). В 1833 г. в 18 верстах от города Баргузина разместили 64 мужчин и 55 женщин, в 1835 г. — ещё 146 душ обоего пола [43, с. 28].

⁴⁰ В 1897 г. население Читканской волости составляло 6715 чел., а население города Баргузин — 1378 чел. Из них русскими в волости были записаны 6193 чел., в городе — 887 чел. [30, с. 594–595].

⁴¹ **Баргузинские евреи.** Согласно итогам переписи населения 1897 г., вторым по численности народом Читканской волости были евреи. В городе Баргузин они составляли 33,5 % населения (461 чел.), в Читканской волости — 6,9 % (429 чел.) [30, с. 594–595]. Большая часть сосланных в округ евреев (87,8 %) была расселена в Читканской волости — в селениях Большечитканском, Кокуйском, Сувинском, Малочитканском и Уринском. В разное время евреи в волости составляли от 6 до 17 % населения [20, с. 53–54].

⁴² В 1845 г. решением Иркутской казённой палаты «ссылно-поселённые» евреи были приписаны к мещанскому сословию. Со второй половины 1840-х гг. они стали массово прибывать в Баргузинский округ. Часть евреев крестилась и пользовалась трёхлетней льготой [43, с. 28].

⁴³ Л. В. Кальмина отмечает, что Баргузинский округ был «благоприятным» местом для ссылки евреев из-за близости Нерчинской каторги, а также удалённости больших городов и китайской границы [19, с. 29]. После отбытия срока (т. к. практически все прибывавшие евреи получили уголовное наказание), они переселялись в город Баргузин. С 1880 г. произошёл резкий рост численности евреев в городе, т. к. у большинства ссыльных волны 50–60-х гг. XIX в. закончились сроки наказания. Начиная с этого момента и вплоть до революции евреи обычно составляли не менее трети населения города [19].

⁴⁴ **Заключение.** Баргузинская котловина, которая сегодня среди представителей гуманитарных наук отождествляется с исторической областью Баргуджин-Токум, в действительности же является лишь небольшой её частью. Регион исследования в средние века был зоной активных тюркских, монгольских и тунгусских контактов, благодаря чему здесь активно протекали этноконсолидационные процессы, создавшие различные этнические подразделения, к примеру, бурят-монгольские родовые единицы в составе тунгусских, якутских племён и наоборот.

⁴⁵ Изучение этнической структуры населения Баргузинского округа и его размещения в конце XIX в. свидетельствует о полиэтничности региона. В этнической структуре населения региона нужно в первую очередь отметить бурят,

тунгусов (орочон, эвенков и хамниганов), русских и евреев. К коренным жителям региона (бурятам и тунгусам) в XIX в. добавился значительный пласт новоприбывшего населения, основу которого составляли поселенцы-каторжане, в основном русские и евреи. Этнической особенностью региона стало формирование одной из крупнейших еврейских диаспор в Сибири. За последней закрепилось название «баргузинские евреи». Также нужно отметить, что русские в данном регионе создали особую этнолокальную группу «баргузинских русских промысловиков». Исследование взаимодействий в системе «ландшафт — этнос — природопользование» в рамках этнокультурных, историко-географических изысканий, проведённое на примере Баргузинской котловины, получило отражение в схеме историко-географического районирования указанного региона [9].

Примечания:

1. Баргудай-мэргэн или Баргудай — персонифицированный образ древнего этноса в фольклоре монгольских народов. По преданиям, Баргудай является отцом Элюдея, Бурыдая и Хорида, в свою очередь отождествляющих собой предков олетов, бурятов и хоринцев. Подробнее см.: [26].

2. Архив автора (Б. З. Нанзатова), информант — нанец (самар), Владивосток, 2002.

Библиография:

1. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980. 152 с.
2. Балданжапов П. Б. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ» как исторический источник. Автореф. дис.... канд. истор. наук / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. М., 1956. 12 с.
3. Банзаров Доржи. Собрание сочинений / Отв. ред. Г. Д. Санжиев. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 375 с.
4. Башаров И. П. Русская промысловая культура Восточного Прибайкалья (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 162 с.
5. Бертагаев Т. А. Об этимологии слов Баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 174–180.
6. Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. М., 1970. С. 130–132.
7. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.-Л., 1950. 382 с.
8. Вампилова Л. Б. Освоение ландшафтов Баргузинской котловины (пространственно-временная дифференциация). Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1982. 21 с.

9. 9. Вампилова Л. Б. Историко-географическое районирование Баргузинской котловины на временной срез XX и XXI веков // Экологическое равновесие: природное и культурное наследие, его сохранение и популяризация: материалы VI междунар. научн.-практ. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. С. 182–187.
10. Вампилова Л. Б., Нанзатов Б. З. Раннесредневековый (курыканско-баргутский) период освоения ландшафтов Баргузинской котловины // Экологическое равновесие: структура географического пространства: материалы VII междунар. научн.-практ. конф. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 107–116.
11. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь в двух частях. М., 1958. 2-я часть Н-Я. 240 с.
12. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. 560 с.
13. Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX — начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
14. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995. 189 с.
15. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. 1645–1654. 539 с.
16. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
17. Древности Бурятии: Карта археолог. памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина; отв. ред. А. П. Деревянко; СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 220 с.
18. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.). Иркутск: «Оттиск», 2012. 351 с.
19. Кальмина Л. В. Баргузин — еврейский анклав в Сибири // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII междунар. ежегодн. конф. по иудаике. Т. II. М., 2011. С. 114–121.
20. Курас Л. В., Кальмина Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века — февраль 1917 года). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.
21. Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 104–188.
22. Лопатин И. А. Дневник Витимской экспедиции 1865 года / Обработан Б. К. Польшовым, Зап. Императорского русского географического общества по общей географии. СПб., 1895. Т. XXVIII. № I. 283 с.

23. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина // Зап. Вост. отд. импер. Русского археол. об-ва. Т. XII. Вып. II–III. СПб., 1899. С. 1–144.
24. Нанзатов Б. З. Племенной состав бурят в XIX веке // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск: Оттиск, 2003. С. 15–27.
25. Нанзатов Б. З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI — первой половине XVII вв. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН, 2011, №2 – с.32-37.
26. Нанзатов Б. З. К вопросу о ранней этнической истории баргу-бурятской общности // Вестник КИГИ РАН, 2016. № 1. С. 99–106.
27. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ, 2000. 190 с.
28. Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.-Л., 1955. С. 294–325.
29. Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге) // Тюркологические исследования. М.-Л., 1963. С. 273–281.
30. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о.Сахалин. СПб., 1912. С. 594–595.
31. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье. К вопросу о доисторическом прошлом якутов // Изв. Ин-та нар. образования. Чита, 1923. № 1. С. 21–39.
32. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. Семёнова. М.-Л., 1952. Т. 1. Кн. 2. 316 с.
33. Ремезов С. У. Чертёжная книга Сибири (начало XVIII века), составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб.: Археологическая комиссия, 1882. 436 с.
34. Риттер Карл. Землеведение Азии. СПб., 1878. Вып. 1. 1010 с.
35. Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты // Труды Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения Всесоюзного Географического общества. Улан-Удэ, 1949. С. 38–39.
36. Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ: ВМНИИК, 1956. 150 с.
37. Свинин В. В., Зайцев М. А. Памятники курумчинской культуры Приольхонья. Иркутск, 1992. 156 с.

38. Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии // Тр. Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Вып. 1, 2. М., 1900. С. 67–75.
39. Хамзина Е. А. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин) // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 234–243.
40. Хороших П. П. Тысячелетние памятники долины р. Баргузина // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР. Серия востоковедения. Улан-Удэ, 1962. Вып. 8. С. 163–164.
41. Цыбикдоржиев Д. В. К вопросу о происхождении этнонима курыкан // Гуманитарные исследования молодых учёных Бурятии. Улан-Удэ, 1996.
42. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. 662 с.
43. Шмудевич М. М. Очерки истории Западного Забайкалья (XVII — середина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1985. 284 с.
44. Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ, 1973. 108 с.

Historical and geographical excursion to the change of ethnic groups in the North-Eastern Baikal region in historical time

Людмила Вампилова

Associate Professor, Pushkin Leningrad State University

Russian Federation, Sankt Petersburg

Bair Nanzatov

Senior Research Fellow, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Russian Federation, Republic of Buryatiya, Ulan-Ude

Abstract

The ethnographic history of the region is considered for the first time, which is relevant and of interest for a retrospective analysis of the cultural heritage in environmental management and public life. The basis for the preparation of the article was the materials of the historical and geographical periodization of the development of the landscapes of the Barguzin depression as a part of the North-Eastern Cisbaikalia, according to which five eras are distinguished: the oldest (from the Mesolithic to the Iron Age), the Middle Ages, imperial, Soviet and post-Soviet. The method of creating a periodization is built using an event-oriented approach: the time of development is divided into chronological sections, in each of which information on the relationships in the “landscape-ethnos-nature management” trinity is analyzed. The purpose of the article is to present the history of the development of ethnographic subjects through historical and geographical methods and approaches. The historical and geographical study of the Barguzin depression, as a study area, made it possible to identify six changes in ethnic groups in the history of ethnic development: Kurykan, Bargut, Evenk, Buryat, Jewish and Russian. Depending on the change of ethnic groups, the structure of nature management has undergone changes from irrigated agriculture and cattle breeding of the Barguts in the steppe and forest-steppe landscapes, the hunting indigenous Evenk population in the taiga, nomadic Buryat cattle breeding to the arable farming of the Russian population. The characteristic of time sections is given and the connection of the development process with the prevailing ethnic group is shown. Material traces of the presence of one or another ethnic group in the basin indicate what types of landscapes were used for various types of traditional historical nature management, and also toponymic evidence is given, confirming the places of residence of a particular ethnic group in the basin. The step-by-step history of the change of ethnic groups makes it possible to judge the increasing role of types of nature management and the change in the load on the landscape closer to the present.

Keywords: ethnic history, enclosing landscape, ethnic nature management, Bargudzhintokum, Barguzin, historical and geographical periodization, event-oriented approach

Publication date: 18.05.2021

Citation link:

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 13.05.2024; URL - <http://ras.jes.su/region/s221979310012373-3-1> Все права защищены.